

DOI: 10.31857/S032103910024392-4

АРИСТОТЕЛЕВО ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОЛИГАРХИИ И ОЛИГАРХИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В АФИНАХ V–IV вв. до н.э.

И. Е. Суриков

*Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

В «Политике» Аристотеля содержится нетрадиционное и даже неожиданное определение олигархии, представляющее ее, в отличие от общепринятого понимания (исходящего из прозрачной этимологии самого термина) не как «власть немногих», а как «власть богатых». Соответственно один из главных признаков олигархий для философа — имущественный ценз. В статье рассматривается, как соотносилась с этими теоретическими выкладками политическая практика афинских олигархов. Обнаруживается, что две фазы олигархического движения в Афинах (конец V в. до н.э. и конец IV в. до н.э.) принципиально различаются именно в этом отношении. В первом случае вопрос о цензе даже не поднимался, был применен совершенно иной принцип — создание гражданского коллектива, ограниченного численным лимитом (5000 в 411 г. до н.э., 3000 в 404 г. до н.э.). Во втором же случае исходили из идеи ценза в чистом виде (2000 драхм в 322 г. до н.э., 1000 драхм в 317 г. до н.э.). Таким образом, олигархические режимы первого периода ближе к традиционному определению олигархии, олигархические режимы второго периода ближе к Аристотелеву определению (они и создавались под несомненным идеологическим влиянием перипатетической школы).

Ключевые слова: Аристотель, Афины, олигархия, демократия, гражданство, «Политика», «Афинская полития», перевороты, имущественный ценз, численный лимит, Четыреста, Тридцать, Деметрий Фалерский

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-28-00024.

ARISTOTLE'S DEFINITION OF OLIGARCHY AND OLIGARCHIC REGIMES IN ATHENS, 5th–4th CENTURIES BC

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: isurikov@mail.ru

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation, project no. 23-28-00024

Aristotle's *Politics* contains a non-traditional and even unexpected definition of oligarchy that pictures it, unlike the conventional interpretation (which proceeded from the transparent etymology of the term itself), not as the 'rule of the few' but as the 'rule of the wealthy'. Accordingly, one of the main signs of oligarchies for the philosopher is the property qualification. The article analyzes how the political practice of Athenian oligarchs correlated with these theoretical theses. It appears that the two stages of the oligarchic movement in Athens (late fifth century BC and late fourth century BC) substantially differ precisely in this regard. In the first case, the question of a qualification was not even raised, and an entirely different principle was applied: creation of a citizen body restricted in number (5000 in 411 BC, 3000 in 404 BC). As to the second case, they used the idea of qualification in its full sense (2000 drachmas in 322 BC, 1000 drachmas in 317 BC). So oligarchic regimes of the first period are closer to the traditional definition of oligarchy, whereas oligarchic regimes of the second period are closer to Aristotle's definition (and were undoubtedly created under ideological influence of the Peripatetic school).

Keywords: Aristotle, Athens, oligarchy, democracy, citizenship, *Politics*, *Athenaion Politeia*, coups d'état, property qualification, number limit, the Four Hundred, the Thirty, Demetrius Phalereus

В «Политике» Аристотеля весьма значительное место уделено проблематике, связанной с греческими олигархиями¹. Безусловно, философ относил олигархию (как и демократию) к «неправильным», «отклоняющимся» формам правления². Но он не мог не отдавать себе отчета в том, что в реалиях современного ему эллинского мира «правильных» форм, как он их понимал, собственно,

¹ Лучшим, наиболее детальным анализом соответствующих пассажей «Политики» остается тот, который содержится в книге: Ostwald 2000, 31–75. В более новых монографиях об олигархических режимах в античной Греции (Shear 2011; Simonton 2017) эти вопросы почти не рассматриваются, поскольку указанные работы посвящены преимущественно перипетиям практической политики, а не политической теории. М. Саймонтон даже несколько пренебрежительно высказывается о теоретизировании Стагирита: «Аристотель был гипераналитическим философом, имевшим свойство усложнять общепринятый дискурс» (Simonton 2017, 35). Не можем не отметить, что исследование Саймнтонна — на этот момент последнее или одно из последних по времени об олигархиях — уже было подвергнуто достаточно жесткой критике (Harris 2019), отмечалась крайняя уязвимость многих базовых положений автора. В частности, рецензент упоминает и только что процитированную нами фразу о «гипераналитическом» Аристотеле, отмечая, что этот тезис бездоказателен.

² Simpson 2013, 108; Duke 2020, 11.

уже и не найти или почти не найти. Даже спартанский строй, в целом весьма ему любезный, он по ряду параметров подвергает довольно острой критике³.

М. Хансен давно уже указал⁴, что знаменитая шестеричная классификация государственных устройств⁵ фигурирует, по сути, только в теоретических разделах «Политики», а там, где рассматривается эмпирический материал, речь идет, как правило, об олигархиях и демократиях⁶, да еще о сконструированной самим Аристотелем средней между ними «политии», которая, конечно, являлась чем-то скорее желательным, нежели действительным⁷. Характерны хотя бы следующие пассажи: «Главными видами государственного устройства, по-видимому, являются два — демократия и олигархия (δημος καὶ ὀλιγαρχία)» (Arist. Pol. IV. 1290a13–16)⁸; «Теперь ясно и то, почему в большинстве случаев государственный строй бывает либо демократическим, либо олигархическим. Вследствие того, что средние занимают в государствах зачастую незначительное место (ἐν ταύταις πολλὰκις ὀλίγον εἶναι τὸ μέσον), те из двух, которые их превосходят, — либо крупные собственники, либо простой народ (εἴθ' οἱ τὰς οὐσίας ἔχοντες εἴθ' ὁ δῆμος), — отделившись от среднего состояния, перетягивают государственный порядок на свою сторону, так что получается либо демократия, либо олигархия. Так как сверх того между простым народом и состоятельными (τῷ δήμῳ καὶ τοῖς εὐπόροις) возникают распри и борьба, то кому из них удастся одолеть противника, те и определяют государственное устройство, причем не общее и не основанное на равенстве, а на чьей стороне оказалась победа, те и получают перевес в государственном строе в качестве награды за победу, и одни устанавливают демократию, другие — олигархию. И те два греческих государства, которым принадлежало главенство в Греции, насаждали в соответствии со своим государственным устройством в других государствах одно — демократию, другое — олигархию, причем считались с выгодой не этих других государств⁹, но лишь со своей собственной. В силу указанных причин средний государственный строй либо никогда не встречается, либо редко и у немногих (διὰ ταύτας τὰς αἰτίας ἢ μηδέποτε τὴν μέσην γίνεσθαι πολιτείαν ἢ ὀλιγὰκις καὶ παρ' ὀλίγοις)» (Arist. Pol. IV. 1296a22–38).

Притом Стагирит далеко не столь ригористичен, как его учитель Платон, прямо заявлявший (Plat. Leg. VIII. 832c), что ни демократия, ни олигархия вообще не может быть названа государственным устройством (полιτεία), а разве что постоянной смутой (στασιωτεία). Нет, он — в куда большей степени реалист,

³ Schütrumpf 1994.

⁴ Hansen 1993.

⁵ Она считается «Аристотелевой по преимуществу». Но, по верному наблюдению Хансена, эта модель встречается уже у Платона и Ксенофонта, а следовательно, восходит к Сократу.

⁶ То же мнение см. в Rutter 2000, 143; Duke 2020, 36.

⁷ Заходит в «Политике» речь также об аристократии, но эта форма правления для Аристотеля представляет собой скорее теоретическую опцию (Brock, Hodkinson 2000, 18).

⁸ Здесь и далее «Политика» цитируется в переводе С.А. Жебелёва с нашими коррективами в необходимых случаях, оговоренных в примечаниях.

⁹ В переводе Жебелёва — «этих двух государств» (то есть Афин и Спарты), что очевидным образом неверно ни с грамматической, ни со смысловой точки зрения.

констатирующий, что «и демократия, и олигархия, несмотря на их отклонения от наилучшего строя, все-таки могут иметь сносное устройство (ἥστιν ὥστ' ἔχειν ἱκανῶς)» (Arist. *Pol.* V. 1309b31–33), признающий, что в каких-то случаях перед общинами нет иного выбора, кроме как установить отклоняющуюся форму правления¹⁰. В частности, по его мнению, малым государствам более свойственно олигархическое устройство, крупные же тяготеют к демократическому¹¹. Впрочем, умеренные олигархии и умеренные демократии для него предельно сближаются друг с другом¹².

Как справедливо замечает М. Оствальд, Аристотель сообщает нам об олигархии (и как о теоретическом понятии, и как об исторической реальности) больше, чем любой другой античный автор¹³. В «Политике» мы найдем много ценных сведений и глубоких мыслей об олигархических режимах: об их типологии, особенностях, о факторах, способствующих их установлению и падению, об отличиях олигархий от демократий и т.п. Здесь мы остановимся на том определении, которое мыслитель дает олигархии. Определение это, если внимательно в него вчитаться, поражает своей неочевидностью и даже парадоксальностью. Его автор, казалось бы, идет против естественного здравого смысла. Ведь прямое значение лексемы ὀλιγαρχία предельно прозрачно: «власть немногих». Но Аристотель настойчиво повторяет (приводя аргументы в пользу своей точки зрения), что в действительности олигархию следует понимать не как власть немногих, а как власть богатых (πλούσιοι), состоятельных (εὐποροί)¹⁴.

Разумеется, эта интересная особенность не могла укрыться от внимания тех, кто читал трактат. Отличие Аристотелева словоупотребления от общепринятого оговорил уже выдающийся средневековый схоласт Фома Аквинский¹⁵ — автор первого в послеантичной Западной Европе комментария к «Политике», написанного сразу после того, как она в XIII в. появилась в латинском переводе Мербеке. В современной исследовательской литературе вопрос, о котором идет речь, тоже затрагивается, но, как правило, мимоходом¹⁶. Несколько более подробно, чем остальные, останавливается на нем разве что М. Оствальд¹⁷. Рассмотрим соответствующие свидетельства. Это — два места из «Политики».

Олигархия — тот вид, когда верховную власть в государстве имеют владеющие собственностью (ὅταν ὥσι κύριοι τῆς πολιτείας οἱ τὰς οὐσίας ἔχοντες); наоборот, при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое состояние, а в руках неимущих (ὅταν οἱ μὴ κεκτημένοι πλῆθος οὐσίας ἀλλ' ἄποροι). И вот возникает первое

¹⁰ Simpson 2013, 110.

¹¹ Brock, Hodkinson 2000, 10.

¹² Piepenbrink 2018, 267.

¹³ Ostwald 2000, 12.

¹⁴ Точнее, вначале Аристотель дает общепринятое определение (Arist. *Pol.* III. 1278b12–13: ἐν μὲν ταῖς δημοκρατίαις κύριος ὁ δῆμος, οἱ δ' ὀλίγοι τοῦναντίον ἐν ταῖς ὀλιγαρχίαις), но уже вскоре противопоставляет ему свое (которое сейчас будет приведено). Ср. Duke 2020, 91.

¹⁵ Regan 2007, 210.

¹⁶ Dovatur 1965, 106; Day, Chambers 1967, 47; Brock, Hodkinson 2000, 17; Poddighe 2014, 42–43; Simonton 2017, 354; Giangulio 2018, 279; Duke 2020, 91.

¹⁷ Ostwald 2000, 43–44, 60, 65–66, 74–75.

затруднение при разграничении их: если бы верховную власть в государстве имело большинство и это были бы состоятельные люди (πλείους, ὄντες εὐποροί), — а ведь демократия бывает именно тогда, когда верховная власть сосредоточена в руках большинства, — с другой стороны, точно так же, если бы где-нибудь оказалось, что неимущие, хотя бы они и представляли собой меньшинство в сравнении с состоятельными (τοὺς ἀπόρους ἐλάττους μὲν εἶναι τῶν εὐπόρων), все-таки захватили бы в свои руки верховную власть в управлении (а, по общему утверждению¹⁸, олигархия там, где верховная власть сосредоточена в руках небольшого количества людей), то показалось бы, что предложенное разграничение видов государственного устройства сделано неладно. Но допустим, что кто-нибудь, соединив признаки: имущественное благосостояние и меньшинство и, наоборот, недостаток имущества и большинство (τῇ μὲν εὐπορίᾳ τὴν ὀλιγότητα τῇ δ' ἀπορίᾳ τὸ πᾶθος) и основываясь на таких признаках, стал бы давать наименования видам государственных устройств: олигархия — такой вид государственного устройства, при котором должности занимают люди состоятельные, по количеству своему немногочисленные (τὰς ἀρχὰς ἔχουσιν οἱ εὐποροί, ὀλίγοι τὸ πᾶθος ὄντες); демократия — тот вид, при котором должности в руках неимущих, по количеству своему многочисленных (οἱ ἄποροι, πολλοὶ τὸ πᾶθος ὄντες). Получается другое затруднение: как мы обозначим только что указанные виды государственного устройства — тот, при котором верховная власть сосредоточена в руках состоятельного большинства (πλείους οἱ εὐποροί), и тот, при котором она находится в руках неимущего меньшинства (ἐλάττους οἱ ἄποροι), если никакого иного государственного устройства, кроме указанных, не существует? Итак, из приведенных соображений, по-видимому, вытекает следующее: тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный (τὸ μὲν ὀλίγους ἢ πολλοὺς εἶναι κυρίους συμβεβηκός ἐστιν) и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство (διὰ τὸ τοὺς μὲν εὐπόρους ὀλίγους, πολλοὺς δ' εἶναι τοὺς ἀπόρους πανταχοῦ); значит, этот признак не может служить основой указанных выше различий. То, чем различаются демократия и олигархия, есть бедность и богатство (πενία καὶ πλοῦτος); вот почему там, где власть основана — безразлично, у меньшинства или большинства — на богатстве (ὅπου ἂν ἀρχῶσι διὰ πλοῦτον, ἂν τ' ἐλάττους ἂν τε πλείους), мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие (οἱ ἄποροι), там перед нами демократия. А тот признак, что в первом случае мы имеем дело с меньшинством, а во втором — с большинством, повторяю, есть признак случайный (συμβαίνει) (Arist. *Pol.* III. 1279b17–1280a4).

Демократию не следует определять, как это обычно делают некоторые в настоящее время, просто как такой тип государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках народной массы, потому что и в олигархиях, и вообще повсюду верховная власть принадлежит большинству¹⁹ (καὶ γὰρ ἐν ταῖς ὀλιγαρχίαις καὶ πανταχοῦ τὸ πλεόν μέρος κύριον); равным образом и под олигархией не следует разуметь такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках немногих. Положим, что государство состояло бы всего-навсего из тысячи трехсот граждан; из них тысяча были бы богачами (πλούσιοι) и не допускали к правлению остальных трехсот — бедняков, но людей свободнорожденных (πένησιν ἐλευθέροις οὖσι) и во всех отношениях подобных той тысяче. Решится ли кто-нибудь утверждать, что граждане такого государства пользуются демократическим строем? Точно так же, если бы немногие бедняки имели власть над большинством состоятельных (εἰ πένητες ὀλίγοι μὲν εἴεν, κρεῖττους δὲ τῶν εὐπόρων πλείονων ὄντων), никто не назвал бы такого

¹⁸ В переводе Жебелёва — «по нашему утверждению», что опять же неверно как с грамматической точки зрения (в оригинале φασι, «говорят»), так и со смысловой (с излагаемым далее пониманием олигархии Аристотель как раз полемизирует).

¹⁹ Не вполне ясное выражение. Судя по всему, имеется в виду, что и в олигархических полисах решения в народном собрании принимаются большинством голосов. Другое дело, что при олигархии круг полноправных граждан, участвующих в народном собрании, будет уже, включая в себя только состоятельных лиц. Ср. Wallace 2013, 294.

рода строй олигархическим, раз остальные, будучи богатыми, не имели бы почетных прав (τοῖς ἄλλοις οὐσι πλουσίοις μὴ μετέῃ τῶν τιμῶν). Итак, скорее следует назвать демократическим строем такой, при котором верховная власть находится в руках свободнорожденных, а олигархическим — такой, когда она принадлежит богатым (οἱ πλούσιοι), и лишь случаю нужно приписать (συμβαίνει) то, что одних много, а других немного²⁰. Ну а если бы должности (τὰς ἀρχάς), как это утверждается некоторыми относительно Эфиопии, распределялись по росту, или по красоте, была ли бы это олигархия? А ведь красивых и высоких бывает не очень много. Нет, такими признаками не может быть определена достаточно точно сущность олигархии и демократии... Нельзя считать демократическим²¹ и такой строй, при котором пользуются привилегированным положением богачи благодаря тому, что они составляют большинство (οἱ πλούσιοι διὰ τὸ κατὰ πλῆθος ὑπερέχειν); так было в древности в Колофоне, где большая часть граждан²² до войны с лидийцами приобрела большую недвижимую собственность. Таким образом, демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках, а олигархией — такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство (οἱ πλούσιοι καὶ εὐγενέστεροι ὀλίγοι ὄντες) (Arist. Pol. IV. 1290a30-b20).

Как можно видеть, в заключительной части второй цитаты Аристотель делает все-таки определенную уступку общепринятому мнению, вводя признак «меньшинства» в определение олигархии. Однако выше он неоднократно оговаривает, что этот признак, по его мнению, является *случайным*, а не необходимым, в действительности же олигархией следует называть любое правление богатых, даже если эти богатые составляют большинство. Является ли последняя опция чисто теоретической? Иногда высказывается мнение, что такое могло случаться в реальности²³. М. Саймонтон решительно возражает: «Известных примеров этого нет»²⁴. Но как же быть с только что встретившимся нам упоминанием архаического Колофона? В «Политике» прямо утверждается, что там к состоятельным относилось большинство граждан. И с этим прекрасно согласуется один из фрагментов Ксенофана (Xenophon. fr. B3 DK) — уроженца этого города, жившего как раз в ту эпоху, о которой пишет Аристотель: «Бесполезную роскошь узнали они

²⁰ Далее слова, пропущенные в переводе Жебелёва: ἐλεύθεροι μὲν γὰρ πολλοί, πλούσιοι δ' ὀλίγοι («ведь свободные многочисленны, богатые же немногочисленны»).

²¹ Здесь Жебелёв, на наш взгляд, вполне обоснованно, следует рукописному чтению (δῆμος), не прибегая к принимаемой во многих изданиях эмендации ὀλιγαρχία. Последняя и очень трудна, и совершенно искажает смысл. Рукописного чтения придерживается и А. И. Доватур (Dovatur 1965, 276). Ср. недоразумение в Giangiulio 2018, 279: вначале цитируемый нами отрывок приводится в английском переводе, следующем рукописному чтению («Nor can we apply the term democracy to a constitution...»), но из последующих рассуждений автора следует, что исправление «демократии» на «олигархию» им принимается: «Аристотель... выступает против возможности, что этот полис (Колофон, о котором речь идет ниже, — И. С.), где правителями были богатыми, являлся олигархией».

²² В переводе Жебелёва — «преобладающая часть граждан» (в оригинале οἱ πλείους). Но слово «преобладающая» порождает некоторую двусмысленность; можно подумать, что имеется в виду часть, наиболее влиятельная в политическом отношении, в то время как речь идет просто о численном превосходстве.

²³ Brock, Hodkinson 2000, 17.

²⁴ Simonton 2017, 35.

(колофоняне — И. С.) от лидийцев, / Без тирании доколь мерзостной жили еще, / На агору выходили в сплошь пурпурной одежде, / Сразу не менее чем тысяча общим числом»²⁵. Тысяча граждан в полисе периода архаики (притом полисе не из самых крупных²⁶), несомненно, должны были представлять собой большинство.

Итак, в целом олигархия для Стагирита неразрывно связана с состоятельными слоями населения; поэтому в связи с ней у него постоянно появляется категория имущественного ценза (τίμημα, см. Arist. *Pol.* II. 1266a12–14; III. 1278a21–23; IV. 1292a39–b1; IV. 1294b4–10; V. 1308a35–40; VI. 1320b21–23)²⁷, который в глазах мыслителя выступает одним из важнейших интегральных признаков олигархического государственного устройства²⁸. Кстати, в связи с проблемой богатых и бедных в «Политике» М. Оствальд прибегает к интересному терминологическому анализу²⁹, указывая, что в трактате встречаются две пары противопоставленных лексем: πλούσιος — πένης и εὐπορος — ἄπορος. По замечанию исследователя, в данном случае нельзя говорить о полной синонимии, хотя по большей части переводчики и комментаторы пренебрегают различием³⁰. Что касается первой пары — с ней все ясно, она взята из повседневного речевого обихода. Вторая сложнее; тщательно разобрав все ее нюансы, Оствальд приходит к выводу: «Коротко говоря, основы εὐπορ- и ἄπορ-, особенно тогда, когда за ними следует слово в родительном падеже, указывают на наличие или отсутствие факторов, требуемых для выполнения данной функции. В большинстве случаев родительный падеж относится к таким материальным ресурсам, как деньги, доходы, чеканка монеты и заработок, но им могут описываться вещи, необходимые для жизни, достаточный урожай или достаточное же количество населения. Обладание этими условиями ни в коем случае еще не делает автоматически человека или государство богатым (πλούσιος)...»³¹. Запомним эту коннотацию термина εὐπορος («состоятельный») с необходимостью выполнения определенных функций; в дальнейшем она позволит уяснить кое-что в функционировании конкретных олигархических режимов, о которых пойдет речь.

Проблемы, связанные с олигархиями, рассматриваются Аристотелем на основе данных, почерпнутых из истории самых разных греческих государств; активно привлекается и афинский материал, что вполне естественно. С реалиями Афин философ был знаком не понаслышке, ведь в этом городе он провел большую

²⁵ Фрагмент Ксенофана цитируется в переводе А.В. Лебедева.

²⁶ Колофон следует отнести скорее к средним полисам. См. его характеристику в Rubinstein 2004, 1077–1080.

²⁷ В данном отношении, между прочим, Аристотель идет за Платоном, который в «Государстве» определяет олигархию так: «Это строй, основывающийся на имущественном цензе (ἀπὸ τιμημάτων); у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении (οἱ μὲν πλούσιοι ἄρχουσιν, πένητι δὲ οὐ μέτεστιν ἀρχῆς)» (Plat. *Resp.* VIII. 550c–d; перевод А.Н. Егунова).

²⁸ Schmitz 1995, 575.

²⁹ Ostwald 2000, 44–56.

³⁰ Отметим, впрочем, что С.А. Жебелёв проводит это различие довольно последовательно, переводя πλούσιοι как «богатые», а εὐποροι как «состоятельные».

³¹ Ostwald 2000, 56.

часть своей жизни, если суммировать оба периода его пребывания там — «академический» и «ликейский». Ныне преобладает мнение, что «Афинская полиция», составленная наряду с остальными «Политиями» в ходе сбора источниковой базы для «Политики», не принадлежит перу самого Аристотеля. Наиболее последовательно отстаивал эту точку зрения П. Родс³²; но, если называть вещи своими именами, ни один из его доводов не имеет обязательной силы — не случайно ученый завершил изложение своей аргументации фразой: «Возможно, что Аристотель написал эту работу сам, но я *не верю* (курсив наш — И. С.), что он это сделал»³³. Нужно еще учитывать, что в последующей нарративной традиции этот памятник устойчиво цитируется — и вряд ли совершенно безосновательно — именно как «Афинская полиция» Аристотеля. Следует полагать, что последний, во всяком случае, принял участие в подготовке трактата, — возможно, в составе небольшого авторского коллектива³⁴.

В число важных источников для сочинения о государственном устройстве Афин входят «Аттиды»³⁵, в каждой из которых, как хорошо известно, изложение, начинаясь с древнейших, полулегендарных времен, доходило до современных соответствующему аттидографу дел³⁶. Во всех них поэтому должны были фигурировать события, связанные, в частности, с олигархиями конца V в. до н.э. Получать информацию об этих олигархиях Аристотель мог и непосредственно из уст своего учителя Платона, который, по крайней мере, о второй из них до конца жизни сохранял самые живые воспоминания (Plat. *Epist.* VII. 324c-325a). Обратимся теперь и мы к событиям, о которых идет речь, дабы определить, как политическая практика афинских олигархов соотносилась с теоретическими выкладами Аристотеля.

В условиях классической демократии олигархическое движение долго почти никак не давало о себе знать (Кимон, вопреки порой встречающемуся мнению³⁷, являлся приверженцем не олигархии, а умеренной, «патерналистской» модели демократии). Может быть, и является преувеличением утверждение Э. Бадиана, что до сицилийской катастрофы в Афинах не было олигархов³⁸; но если таковые и имелись,

³² Rhodes 1985, 58–63.

³³ Rhodes 1985, 63.

³⁴ Нам импонирует точка зрения (Whitehead 1993), согласно которой историческая и систематическая части «Афинской политики», сильно разнящиеся буквально по всем своим качествам, принадлежат двум разным перьям. Если над исторической частью работал сам Стагирит, то для систематической он мог привлечь такого своего сотрудника, как Деметрий Фалерский, который, будучи афинским гражданином и принимая участие в политической жизни Афин, знал механизмы «изнутри», в отличие от метеков Аристотеля и Феофраста.

³⁵ Harding 1977; Rhodes 1985, 15–30.

³⁶ Surikov 2021, 844–845 применительно к первой «Аттиде», написанной Геллаником и заложившей все каноны жанра. Мы не знаем, дожил ли Гелланик до олигархии 404–403 гг. до н.э. (скорее да, чем нет) и включил ли рассказ о ней в свой труд, но описание олигархии 411–410 гг. до н.э. там, несомненно, должно было присутствовать.

³⁷ Например, Boulton 2021, 20.

³⁸ Badian 1995, 81.

то они держали свое мнение при себе. Соответственно, общественным мнением олигархия тогда и не воспринималась как реальная угроза³⁹. Почему это было так, становится предельно ясным, когда внимательно читаешь «Афинскую политику» Псевдо-Ксенофонта⁴⁰. Основной пафос этого памфлета заключается в следующем: демократия — вещь отвратительная для «порядочного человека», но свои функции она выполняет настолько эффективно, что приходится-таки с нею мириться.

Подлинный рост олигархических настроений начался именно тогда, когда обнаружилось, что радикальная демократия, вдобавок к остальным своим недостаткам, может быть еще и неэффективной (о чем ранее и не подозревали⁴¹). Последнее со всей очевидностью было продемонстрировано провалом экспедиции на Сицилию. Оригинальную характеристику происходившего тогда «перелома в умах» дал Б. Стросс⁴²: период 450—413 гг. до н.э. характеризуется преобладанием в политической жизни молодежи, получившей софистическую выучку (знаковая фигура эпохи — Алкивиад), лица старших поколений несколько отодвинуты на второй план. Период после 413 г. до н.э. этот ученый обозначает как «возвращение отца». Иными словами, оттесненные пожилые вновь берут дела в свои руки (характерно немедленное учреждение коллегии престарелых пробулов).

Это, конечно, весьма своеобразный взгляд на проблему (можно ведь припомнить еще, что Антифонт, «мозговой центр» Четырехсот, тоже был человеком в летах, под семьдесят⁴³), но вряд ли он может служить исчерпывающим объяснением происходившего. Если рассматривать события не в возрастных, а в политических категориях, ясно, прежде всего, что налицо был временный триумф олигархов, ставший следствием жесточайшего кризиса. Ранее, с момента своего возникновения в 507 г. до н.э. и вплоть до 411 г. до н.э., афинская демократия отличалась редкостной стабильностью. На протяжении почти века не было ни одного (!) государственного переворота, ни даже попытки такового⁴⁴. Это даже удивительно, учитывая, насколько распространенным явлением был повсеместно в греческих полисах стасис. Поневоле припоминаются замечания того же Аристотеля о том, что демократии обладают большей внутренней прочностью, чем олигархии (Arist. *Pol.* V. 1302a8—13; V. 1315b11—12).

Но все изменилось чуть ли не в один момент, что особенно заметно по контрасту: после длившегося 96 лет периода спокойного развития за десятилетие 411—401 гг. до н.э. имели место целых семь переворотов⁴⁵, в ходе которых олигархические режимы устанавливались, трансформировались, ликвидировались.

³⁹ Osborne 2003, 256.

⁴⁰ Наиболее фундаментальным исследованием о которой теперь является Marr, Rhodes 2015.

⁴¹ Osborne 2003, 257.

⁴² Strauss 1993.

⁴³ Родился около 480 г. до н.э. (Gagarin 2002, 2).

⁴⁴ Самым острым моментом за весь этот хронологический отрезок было убийство Эфиальта в 461 г. до н.э., с мотивами которого и поныне нет никакой ясности (Roller 1989), вплоть до того, что в литературе подчас отрицается сам факт этого убийства (Stockton 1982).

⁴⁵ Перечень см. в Surikov 2022, 220—222.

В целом можно говорить о двух олигархиях этого времени: «первой олигархии» 411–410 гг. до н.э.⁴⁶ (правление Четырехсот, сменившееся правлением Пяти тысяч) и «второй олигархии» 404–403 гг. до н.э.⁴⁷ (правление Тридцати, сменившееся правлением Десяти⁴⁸).

После того как с олигархиями было покончено (в 401 г. до н.э. в Элевсине⁴⁹) и демократия была восстановлена, вновь наступил длительный (79 лет) период стабильности, а затем, ближе к концу IV в. до н.э., пришла новая полоса смут (шесть переворотов на временном промежутке 322–295 гг.⁵⁰). В это время тоже имели место две олигархии⁵¹: «третья олигархия» 322–318 гг. до н.э. (режим Фокиона — Демада) и «четвертая олигархия» 317–307 гг. до н.э. (режим Деметрия Фалерского⁵²).

При сопоставлении олигархических режимов конца V в. до н.э. и конца IV в. до н.э. привлекает внимание следующий нюанс⁵³. По какому критерию отбирались те, кто должен был войти в число полноправных граждан? В олигархии 322 г. до н.э. был применен принцип имущественного ценза, норма которого была установлена в 2000 драхм (πλείω δραχμῶν διαχίλιων, Diod. XVIII. 18. 4). По тому же пути пошла олигархия 317 г. до н.э., но был применен ценз меньшего размера — 1000 драхм (ἄχρι μνῶν δέκα, Diod. XVIII. 74. 3), что, по подсчетам

⁴⁶ Heftner 2001; Taylor 2002; Marcaccini 2013; Wolpert 2017.

⁴⁷ Krentz 1982; Ungern-Sternberg 2000; Wolpert 2006; 2019; Gottesman 2020.

⁴⁸ В «Афинской политике» Аристотеля говорится о двух последовательно учрежденных после низложения Тридцати коллегиях Десяти, причем первая оценивается негативно, а вторая позитивно (Arist. *Ath. pol.* 38. 13). Эта информация не находит никакого подтверждения у авторов, современных описываемым событиям (Ксенофонта, Лисия, Андокида) и, согласно преобладающему мнению, является недостоверной. Можно предположить, что причиной ошибки стало небольшое недоразумение в понимании одного из условий знаменитой амнистии 403 г. до н.э. (о которой см. Loening 1987; Loraux 1997; Carawan 2013; Scheibelreiter 2013). У Андокида, который сам стал «бенефициаром» этой амнистии, указано, что она не распространялась на Тридцать, Десять и Одиннадцать (πλὴν τῶν τριάκοντα καὶ τῶν δέκα καὶ τῶν ἑνδεκά, Andoc. I. 90). Но упомянутые здесь Десять — не та коллегия, которая сменила Тридцать, а другая, созданная Тридцатью для управления Пиреем. В формулировке того же условия в самой «Афинской политике» произошло ее удвоение: πλὴν πρὸς τοὺς τριάκοντα καὶ τοὺς δέκα καὶ τοὺς ἑνδεκά καὶ τοὺς τοῦ Πειραιέως ἄρξαντας (Arist. *Ath. pol.* 39. 5).

⁴⁹ О независимом элевсинском олигархическом государстве в 403–401 гг. до н.э. см. Hansen 2004, 637. М. Хансен считает, что оно имело статус клерухии.

⁵⁰ Перечень см. в Surikov 2022, 224.

⁵¹ О них см. Gehrke 1978; Lehmann 1995; Williams 1997; O'Sullivan 2001; Poddighe 2002; Müller 2017.

⁵² Форму правления, установленную Деметрием Фалерским, иногда характеризуют как «смешанное государственное устройство» (например, Saldutti 2022). Безусловно, субъективно он стремился установить именно таковое, но на деле получилась у него все-таки умеренная олигархия.

⁵³ Сравнению этих двух фаз афинского олигархического движения посвящена монография Lehmann 1997. Однако как раз тот аспект, о котором у нас пойдет речь далее, внимания этого исследователя не привлек.

Г.А. Лемана, обеспечивало участие в политической жизни трем четвертям (т.е. большинству) прежнего гражданского коллектива⁵⁴. Тут в обоих случаях, как говорится, все обстоит в точности по Аристотелю: учреждалась олигархия как власть состоятельных, бедняки исключались. Деметрий Фалерский, как видим, даже реализовал допускавшуюся Аристотелем модель состоятельного большинства, управляющего меньшинством неимущих.

Поскольку с соответствующими практиками этих позднеклассических (или раннеэллинистических) олигархий все ясно, долго задерживаться на них не приходится, тем более что данных о них мало. Когда же мы обращаемся к олигархическим режимам предшествующего столетия (гораздо лучше освещенным в источниках), не может не броситься в глаза разительное отличие. Ни в 411 г. до н.э., ни в 404 г. до н.э. вопрос о введении имущественного ценза даже не поднимался. Тогдашние олигархии прибегли к совершенно иному принципу отбора: взять некоторую фиксированную цифру (причем круглую) и подобрать гражданский коллектив соответствующей численности, составив список его членов. В 411 г. лимит, о котором идет речь, равнялся 5 тысячам человек (Thuc. VIII. 65. 3; Lys. XX. 16; Arist. *Ath. pol.* 29. 5), а в 404 г. до н.э. — 3 тысячам (Xen. *Hell.* II. 3. 18; Lys. XXV. 22; Arist. *Ath. pol.* 36. 2), причем лица, не вошедшие в число «избранных», в дальнейшем были выселены из города на хору⁵⁵ (Xen. *Hell.* II. 4. 11).

Нетрудно заметить, что принцип ценза и принцип лимита (в литературе иногда их называют, соответственно, инклюзивным и эксклюзивным принципами⁵⁶) вступают в прямое противоречие друг с другом, ибо совершенно невозможно, чтобы лиц, удовлетворяющих критерию определенной нормы имущественного достатка, в полисе набралось ровно на круглую цифру. Об олигархиях V в. до н.э. можно сказать, что они представляли собой олигархии в самом прямом смысле слова — власть немногих над многими, власть меньшинства над большинством: и 5 тысяч, и тем более 3 тысячи человек на фоне численности афинского гражданского коллектива при демократии представляли собой заведомое меньшинство (даже после всех людских потерь Пелопоннесской войны).

А вот являлись ли они олигархиями в Аристотелевом смысле — властью богатых над бедными? На этом вряд ли возможно настаивать. Достаточно привести хотя бы вот какой пример. В период правления «Тридцати тиранов» в число привилегированных 3 тысяч вошел (и, соответственно, остался в городе) Сократ, чья бедность была притчей во языцех. С другой стороны, Фрасибул и Анит — лица весьма состоятельные, входившие в прослойку триерархов и способные удовлетворить любому цензу, — в заветный список не попали. Значит, к афинянам, отбираемым в граждане, прилагались какие-то иные требования.

Здесь имеет смысл присмотреться к некоторым элементам ранней олигархической идеологии. Первый по времени сохранившийся в источниках намек (пока скорее именно лишь намек, еще не говорящий о развитой системе взглядов)

⁵⁴ Lehmann 1995, 147.

⁵⁵ Такое выселение и Аристотель в «Политике» причисляет к олигархическим (а также тираническим) практикам (Arist. *Pol.* V. 1313a13–15). Cp. Simonton 2017, 155.

⁵⁶ Brock, Hodkinson 2000, 18.

на троичную классификацию государственных устройств, разделяющую их на власть одного, власть немногих и власть массы, находим во второй четверти V в. до н.э. у Пиндара⁵⁷ (Pind. *Pyth.* II. 86–88). самого слова «олигархия» в словаре беотийского лирика, правда, нет; он говорит о «тирании», о «буйной толпе» и о «мудрых» (οἱ σοφοί), с которыми, получается, ассоциируется у него элита, находящаяся у власти.

У Геродота (который термином ὀλιγαρχία уже вполне пользуется) классификация, о которой идет речь, получает, как известно, уже достаточно детальную разработку в «диспуте трех персов» о формах правления (Hdt. III. 80–82). Олигархическую точку зрения в этом споре у «отца истории» отстаивает Мегабиз. Строй, который он защищает, определяется им как власть «лучших мужей» (ἀνδρῶν τῶν ἀρίστων)⁵⁸, а противопоставляемая ему демократия — как власть «необузданного народа» (δήμου ἀκολάστου).

В «Афинской политике» Псевдо-Ксенофонта (существительного ὀλιγαρχία как такового там нет, но несколько раз встречается причастие от глагола ὀλιγαρχέομαι⁵⁹; в любом случае олигархические воззрения автора вне сомнений) демосу, простому народу противопоставляются «порядочные» (χρηστοί), «благородные» (γενναῖοι), «лучшие» (ἄριστοι), «богатые» (πλοῦστοι) — одним словом, довольно широкий спектр состояний. Но лучше всего передает мысль автора вот такая формулировка: «Но кто, не принадлежа к народу (μὴ ὢν τοῦ δήμου), предпочитает жить в демократическом, а не в олигархическом государстве, тот просто задается какими-нибудь преступными намерениями и видит, что мошеннику скорее можно остаться незамеченным в демократическом государстве, чем в олигархическом» (Ps.-Xen. 2. 20)⁶⁰. Таким образом, антитеза, в общем-то, сводится к следующему: с одной стороны, простонародье⁶¹, с другой — буквально все остальные⁶².

Пресловутые «лучшие» здесь — это знать или богачи? Часто вообще олигархические режимы делят на «олигархии знатных» и «олигархии богатых», исходя из того, что первые предшествуют вторым. В диахронном плане это, видимо, в целом верно. К концу V в. до н.э. время знатных олигархов, впрочем, много лет как миновало. Давно уже было подмечено⁶³, что среди лидеров Четырехсот вообще не было ни одного аристократа; среди лидеров Тридцати таковым являлся только Критий (можно вспомнить еще Хармида, но он был на второстепенных ролях). Да и для Крития лучшей характеристикой будет не «аристократ», а «идеократ»⁶⁴. Итак, среди вождей обоих переворотов почти нет людей, выделяющихся

⁵⁷ Rhodes 2000, 124; Hornblower 2006, 152; Mitchell 2006, 180.

⁵⁸ Ostwald 2000, 18.

⁵⁹ Rhodes 2000, 128.

⁶⁰ «Афинская политика» Псевдо-Ксенофонта и (ниже) «Афинская политика» Аристотеля цитируются в переводе С. И. Радцига.

⁶¹ Здесь δῆμος именно в этом смысле. Полный перечень значений этой лексемы см. в Hansen 2010, 502–503.

⁶² См. комментарий к этому месту: Marr, Rhodes 2015, 138–142.

⁶³ Gomme 1986, 37–39.

⁶⁴ К характеристике личности Крития, его взглядов и практической деятельности см. Frolov 2003; Danzig 2014; Gottesman 2020.

знатностью; а вот к состоятельной верхушке общества они, безусловно, принадлежали⁶⁵.

В высшей степени интересно сопоставить два ключевых пассажа из свидетельств об установлении режима Четырехсот, содержащихся в «Истории» Фукидида и «Афинской политии» Аристотеля. «Заговорщики внесли в народное собрание предложение, чтобы... в государственных делах участвовало не более пяти тысяч граждан, именно тех, кто лучше всего может служить городу в силу своих личных качеств или своим имуществом (οὗτε μεθεκτέον τῶν πραγμάτων πλέοσιν ἢ πεντακισχίλοις, καὶ τοῦτοις οἱ ἄν μάλιστα τοῖς τε χρήμασι καὶ τοῖς σώμασιν ὠφελεῖν οἷοί τε ὄσιν)» (Thuc. VIII. 65. 3)⁶⁶. «Все вообще политическое управление поручается тем из афинян, кто оказывается наиболее способным служить государству как лично, так и материально, в количестве не менее пяти тысяч человек (Ἀθηναίων τοῖς δυνατωτάτοις καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν λητουργεῖν, μὴ ἔλαττον ἢ πεντακισχίλοις)» (Arist. *Ath. pol.* 29. 5).

Не может не остаться незамеченным серьезное разногласие между двумя источниками: у Фукидида утверждается, что, согласно предложению олигархов, полноправных граждан должно было быть *не более* пяти тысяч, а в «Афинской политии», — наоборот, что *не менее* пяти тысяч. Какому из свидетельств отдать предпочтение? На первый взгляд, такового заслуживает Фукидид как современник событий. Однако не будем забывать, что к 411 г. до н.э. Фукидид давно уже отсутствовал в Афинах и свидетелем переворота быть не мог. Соответственно, он рассказал о нем с чьих-то слов; притом этот его информатор очевидным образом был тенденциозен, и, в частности, под его влиянием историк преувеличил жестокий, насильственный характер режима Четырехсот⁶⁷, который, в отличие от режима Тридцати, не являлся репрессивным. Аристотель же опирался на литературу, созданную в Афинах непосредственно в период переворотов⁶⁸.

Таким образом, вопрос сложнее, чем кажется. Помогает найти ответ на него еще один, редко используемый специалистами памятник. В корпусе Лисия есть речь XX «В защиту Полистрата». Ее обычно помещают *supra*, поскольку, исходя из содержания, она произносится в первой половине 410-х годов до н.э. (еще идет Пелопоннесская война), а начало ораторской деятельности Лисия, как правило, относят ко времени после 403 г. до н.э.⁶⁹ Ну, а к поддельному тексту и отношение бывает пренебрежительным, однако в данном случае пренебрежение вряд ли обосновано. Во-первых, нельзя все-таки совершенно исключать авторство Лисия. Последний занимался написанием речей еще заведомо до окончания войны. Достаточно напомнить, что вся сюжетная линия «Федра» Платона завязана вокруг Лисиевой речи⁷⁰, а действие этого диалога мыслится происходящим на хронологическом отрезке

⁶⁵ В большинстве своем они представлены в каталоге Дж. Дейвиса «Афинские состоятельные семьи 600–300 гг. до н.э.» (Davies 1971).

⁶⁶ Фукидид цитируется в переводе Г.А. Стратановского.

⁶⁷ Taylor 2002.

⁶⁸ Rhodes 1985, 368.

⁶⁹ Kennedy 2003, 506; Montanari 2022, 602.

⁷⁰ Usher 2007, 28–29.

418–416 гг.⁷¹ Во-вторых, даже если автор — не Лисий, это, в сущности, не имеет принципиального значения; главное в том, что достаточно точно определяется время создания речи. Кто бы ее ни составил, в ней отразились реалии эпохи, совсем недалеко отстоящей от переворота 411 г. до н.э.

Полистрат, клиент логографа, коллегией Четырехсот был назначен на должность составителя списка (*καταλογεύς*) — того самого списка пяти тысяч полноправных граждан. И вот теперь, чтобы доказать, что он тогда проявил себя как хороший, а не дурной человек, его сын (защитительную речь говорит он — видимо, из-за преклонного возраста отца) указывает: «Кто же может быть в большей степени другом народа, как не тот, кто, несмотря на ваше постановление передать правление пяти тысячам граждан, тем не менее, занимая должность составителя списков, внес в списки девять тысяч человек (*ὁμῶν ψηφισαμένων πενταχισχιλοῖς παραδοῦναι τὰ πράγματα καταλογεύς ὃν ἐναχισχιλοῦς κατέλεξεν*), чтобы никто из бедных граждан не относился к нему враждебно, но чтобы ему можно было вносить всех, кто захочет, а кому нельзя, тем доставить удовольствие. Однако демократию уничтожает не тот, кто увеличивает число граждан, а тот, кто уменьшает» (*Lys. XX. 13*)⁷².

Возможно, здесь и есть некая доля хвастливого преувеличения, однако вряд ли говоривший прибегнул бы к прямой и грубой лжи, которая немедленно была бы изобличена присутствующими. Но если *καταλογεύς* (или, скорее, *καταλογεῖς* — надо полагать, что Полистрат исполнял свои обязанности не в одиночку, а в составе специально созданной комиссии), составляя список, вносил в него большее количество лиц, чем запланированные пять тысяч, а всеильная коллегия Четырехсот никак ему в этом не препятствовала, — стало быть, задачи препятствовать и не ставилось. А это куда больше соответствует той трактовке рассматриваемой меры, которая содержится в «Афинской политике», а не у Фукидида.

Кстати, когда ближе к концу 411 г. до н.э. Четыреста были низложены и власть в свои руки реально взяли эти самые Пять тысяч (на самом деле их, как видим, было больше и они достаточно репрезентативно представляли афинское гражданство, тем более что бедняки-феты в массе своей тогда в Афинах отсутствовали, находясь в качестве гребцов при флоте на Самосе), их правление, хотя и недолгое, произвело большое, причем весьма позитивное, впечатление на греческую политическую мысль⁷³. Оно удостоилось небывало высоких похвал со стороны как Фукидида (*Thuc. VIII. 97. 2*), так и Аристотеля (*Arist. Ath. pol. 33. 2*), рассматривалось как едва ли не первый реализованный на деле образчик «смешанного государственного устройства»⁷⁴. Уже Фукидид именно так его и характеризует: «...это было благоразумное смешение олигархии и демократии (*μετρία γὰρ ἦ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς ξύγκρασις ἐγένετο*)» (*Thuc. VIII. 97. 2*).

Именно в этот период всерьез ставится вопрос о необходимости соблюдения законности в политической жизни, начинается известная афинская

⁷¹ Nails 2002, 314.

⁷² Лисий цитируется в переводе С.И. Соболевского.

⁷³ Lintott 2000, 165.

⁷⁴ Об идее такого устройства и ее отражении у эллинских мыслителей см. Lintott 2000; Nahm 2009; Saldutti 2022.

законодательная реформа, шедшая затем на протяжении целого десятилетия⁷⁵. Инициатором запущенного процесса, несомненно, выступил тот человек, который стал и творцом самого режима Пяти тысяч, — Ферамен, этот воистину фанатик закона. Этому политику, получившему крайне неоднозначную оценку в традиции, в «Афинской политике» Аристотеля посвящен настоящий энкомий. При этом, как указывается в литературе⁷⁶, Ферамен мил мыслителю не чем иным, как тем, что для него высшей ценностью была законность (Arist. *Ath. pol.* 28. 5: «...он не только не ниспровергал, как его обвиняют, все виды государственного строя, а наоборот, направлял всякий строй, пока в нем соблюдалась законность (ἀλλὰ πᾶσας προῖεν ἕως μηδὲν παρανομοῖεν)»).

Но вернемся к свидетельствам Фукидида и Аристотеля о формировании олигархического гражданского коллектива. Выше разбиралось имеющееся разногласие между двумя авторами; более важным представляется нам, однако, то общее, что имеют между собой оба пассажа. А общим является то, какие требования предъявлялись гражданам, и здесь доходит даже до предельного лексического сходства (Фукидид — τοῖς τε χρήμασι καὶ τοῖς σώμασιν, Аристотель — καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν). В обоих случаях речь идет о том, что граждане должны быть полезны государству. Именно поэтому они и должны иметь определенное состояние — не ради богатства как такового, не потому, что оно само по себе превращает то или иное лицо в человека какого-то особого, более высокого сорта, а потому что человек небедный и должности сможет исполнять, не требуя жалования (вопрос об отмене оплаты службы должностных лиц был одним из самых насущных во время переворота 411 г. до н.э.), и, с другой стороны, сам, наоборот, будет в трудную годину помогать полису денежными взносами, добросовестным исполнением литургий и проч. Здесь припоминается понимание М. Оствальдом термина εὐτορος (см. выше). Близость действительно налицо. Для этого антиковеда εὐτορος — тот, кто имеет достаточные средства (подразумеваются средства прежде всего материальные) для выполнения определенной функции. В данном случае это функция полноценного служения государству, которое только и делает человека достойным гражданином, бедняк же такими средствами не располагает, потому и должен быть ущемлен в правах.

Мы не знаем, насколько последовательно этот принцип (в основе своей вполне рациональный) проводился при формировании списка пяти тысяч в 411 г. до н.э. Что же касается олигархов 403 г. до н.э., то они при составлении списка трех тысяч явно руководствовались не такого рода высокими мотивами (и не цензом, как говорилось выше), а вполне циничными политико-идеологическими соображениями: за единственный критерий включения в него принималась потенциальная лояльность режиму. Гражданами делали либо открытых его сторонников,

⁷⁵ Начало этой реформы, имевшей чрезвычайно большое значение для дальнейшей эволюции афинской демократии (представлявшей собой переход от «власти народа» к «власти закона»), как правило, связывают с полным восстановлением демократического устройства в 410 г. до н.э. Однако М. Финли справедливо подчеркнул, что в действительности процесс начался чуть раньше — именно тогда, когда у власти находились Пять тысяч (Finley 1971, 10).

⁷⁶ Например, Frank, Monoson 2009, 255.

либо тех, от кого, по крайней мере, не приходилось ожидать сопротивления. Поэтому в их число не попал богач Фрасибул, чья стойкая приверженность демократическим принципам была давно известна (он доказал ее на деле, возглавив те силы во флоте, которые не признали переворот Четырехсот), но вошел Сократ. Про последнего знали, что он — учитель Крития и жесткий критик демократии, а того, что он и по отношению к новой власти займет столь же неконформистскую позицию, заранее, естественно, никто предсказать не мог.

Однако все же откуда такое пристрастие к лимиту гражданского коллектива, выраженному фиксированной, причем круглой цифрой? Зачем эта «числовая игра», как выразился один ученый⁷⁷? Здесь нам хотелось бы привлечь внимание вот к какому обстоятельству. Применительно к ряду греческих полисов периода архаики (а тогда они были, разумеется, в подавляющем большинстве олигархическими⁷⁸) источники сообщают об интересной особенности — наличии (прослеживаемся в наиболее ранних случаях с VII в. до н.э.) гражданского коллектива фиксированной численности (Локры Эпизефирские — тысяча человек, Кротон — тысяча человек, Регий — тысяча человек, Опунт в Восточной Локриде — тысяча человек, Кима Эолийская — тысяча человек, Массалия — шестьсот человек; менее ясна ситуация с Колофоном). Заметим, что всякий раз перед нами опять же круглая цифра, и это примечательно. В принципе, в тот же круг реалий вписывается и коллектив девяти тысяч спартиатов «ликургова Лакедемона».

Сюжету о таких «лимитированных режимах» (кроме Спарты) посвятил недавно специальную работу М. Джанджулио⁷⁹, проанализировав в ней все релевантные свидетельства, так что нам нет смысла их повторять, тем более что это увело бы нас слишком далеко от главной темы статьи. Исследователю удалось убедительно показать, что в каждом из перечисленных случаев речь идет именно о числе членов гражданского коллектива, участников народного собрания, опровергнув распространенное мнение, согласно которому имеется в виду численность совета (βουλή)⁸⁰. Вряд ли можно ожидать встретить в архаических полисах, еще небольших по размеру, такие огромные советы. В классических Афинах, где граждан насчитывалось до полусотни тысяч, функционировал совет из пятисот человек, и это представлялось вполне достаточным.

Необходимо отметить, что сам Джанджулио протестует против определения подобных государств как «олигархий с фиксированной численностью». По его словам, «в архаическую эпоху не существовало ни аристократических,

⁷⁷ Brock 1989, 160. Сам автор этой статьи высказывает соображения по данному вопросу, но они вполне спекулятивны.

⁷⁸ Самые ранние демократии (о них см. Robinson 1997, со сводкой буквально всех имеющихся данных) появляются не ранее второй четверти VI в. до н.э. (Мегары, Хиос).

⁷⁹ Giangiulio 2018.

⁸⁰ В свое время и автор этих строк впал в аналогичную ошибку, трактуя массалийские Шестьсот (Strab. IV. 179) как совет (Surikov 2018, 300–301). Страбон в данной связи пользуется лексемой συνέδριον, которая была, особенно у послеклассических авторов, куда более многозначной, чем βουλή, и не обязательно означала совет (Giangiulio 2018, 287).

ни олигархических, ни тимократических, ни демократических режимов»⁸¹, и применять подобную терминологию, выработанную политической теорией времен классики (прежде всего Аристотелем), к ранним полисам — значит впадать в анахронизм. Безусловно, Аристотель проецировал разработанный им категориальный аппарат на реалии эллинской архаики, во многом принципиально иные⁸², и ныне вряд ли уже кто-нибудь будет утверждать, что рисуемая им картина совершенно адекватна этим реалиям. Но вряд ли конструктивна и другая крайность, которую здесь демонстрирует итальянский ученый. Да, терминов «олигархия», «демократия» и т.п. не существовало ранее V в. до н.э., но почему из этого вытекает, что не было и самых явлений, которые позже стали обозначаться этими терминами? Кто усомнится в том, что историю афинской демократии следует начинать как минимум с реформ Клисфена 508/507 г. до н.э.? Есть даже мнение, что с реформ Солона 594 г. до н.э.⁸³ При этом она уж точно не называлась демократией до середины V в. до н.э., но это, думается, ничего принципиально не меняет.

Впрочем, важнее в статье М. Джанджулио не тот весьма спорный тезис, о котором только что говорилось, а представляющиеся нам ценными размышления о том, что породило подобные режимы «круглых цифр». Здесь уместно привести цитату: «Численно ограниченные политические коллективы — это скорее один из способов, которыми начали фиксироваться политические общины в архаическую эпоху. Поскольку письменные свидетельства о “тысяче” и “шестистах” предполагают, что их происхождение следует поместить в какой-то точке между VII и VI вв. до н.э., ...мы должны понимать эти политические организации как ключевую стадию в развитии институционального порядка. Также следует заметить, что численно ограниченный коллектив — это группа, соединенная членством в ней, в которой отношения между индивидами усиливают сплоченность и чувство сопричастности... Численно ограниченные коллективы играли фундаментальную роль в развитии концепта общины как коллективного единства и как сплоченной эксклюзивной группы. Как известно, община, которую мы встречаем в гомеровских поэмах, не является четко очерченной. К ней, кажется, принадлежат все обитатели данной местности. Архаический полис, по контрасту, начинает самоопределяться как община, к которой имярек или принадлежит как часть, или исключен из нее»⁸⁴.

Таким образом, появление того, что называют «олигархиями с фиксированной численностью», вписывается в контекст формирования эллинского полиса. Это выглядит удачным и логичным решением. Действительно, одним их главных элементов «полисной идеи» как таковой является жесткое противопоставление граждан, обладающих полнотой прав и привилегий, всем прочим жителям

⁸¹ Giangiulio 2018, 276.

⁸² Brock, Hodkinson 2000, 13; Davies 2004, 21.

⁸³ См. интереснейшую коллективную работу Raaflaub *et al.* 2007. Она необычна тем, что целиком полемична: каждый из трех авторов (все они — ведущие специалисты) отстаивает собственное мнение по вопросу о том, когда родилась афинская демократия: при Солоне (К. Раафлауб), при Клисфене (Дж. Обер) или при Эфиальте (Р. Уоллес).

⁸⁴ Giangiulio 2018, 290.

государства. На первых порах складывания полисных структур такой метод разграничения граждан и «остальных», как введение лимита численности гражданского коллектива, должен был пользоваться популярностью ввиду своей крайней простоты в применении. В дальнейшем в Афинах по мере демократизации политического устройства, предоставления полноправия бедноте круг граждан был значительно расширен; лидеры олигархического движения конца V в. до н.э. предложили «пойти вспять», вернуться к принципу лимита. Для последнего выбирались достаточно значительные числа (не шестьсот и не тысяча, а скорее что-то более близкое к тому, что было в Спарте), но оно и понятно ввиду огромной по греческим меркам величины афинского полиса.

Почему были воскрешены реалии, характерные именно для *ранних* олигархий? Организаторы переворота 411 г. до н.э., судя по всему, были вообще привержены ко всему «старинному», «отеческому» (в рамках свойственного им дискурса о *πάτριος πολιτεία*); не случайно введение режима Четырехсот было предвзято инициировано об изучении древних государственных устройств (Arist. *Ath. pol.* 29. 3). Олигархи классического периода вообще изображаются нарративной традицией как крайние ретрограды; например, тот из них, который обрисован в «Характерах» Феофраста, утверждает (Theophr. *Char.* 26. 6), что хорошее правление в Афинах было только до Тесея⁸⁵.

Такой консерватор, как Платон, еще в середине IV в. до н.э. предлагая в «Законах» модель образцового полиса Магнесии⁸⁶, тоже ограничил число его граждан жестко фиксированным, неизменным на все века лимитом, выраженным, правда, не очень-то «круглой» цифрой 5040 (Plat. *Leg.* V. 737e); последняя, впрочем, представляла для него другое преимущество — обладала наибольшим количеством делителей. Здесь, возможно, налицо увлечение позднего Платона пифагорейской числовой мистикой.

Кстати, а фиксируется ли что-то напоминающее численный лимит, собственно, в древнейших Афинах? До сих пор у нас появлялись примеры из других регионов, но было бы резонно, если бы афинские сторонники олигархии и «отеческого государственного устройства» апеллировали не к чужому (или, во всяком случае, не только к чужому), но и к собственному опыту. Не важно, были ли приводимые ими прецеденты историческими или воображаемыми; главное, чтобы они *воспринимались* их согражданами как действительно имевшие место.

Информация, проливающая некоторый свет на проблему, содержалась в начальной части «Афинской политики» Аристотеля. Хотя первые главы трактата не сохранились на папирусе, их содержание отчасти восстанавливается по фрагментам — цитатам у позднейших писателей. И вот что читаем в одном из таких фрагментов (Arist. fr. 385 Rose = Lex. Demosth. Patm. p. 152 Sakkelion) по поводу того, как понимал Стагирит устройство доклизфеновских, додемократических Афин: «Они (афиняне — *И. С.*) были разделены на четыре филы наподобие времен года; каждая из фил была разделена на три части так, чтобы в общем составилось двенадцать частей, — столько, сколько месяцев в году. Они назывались

⁸⁵ Diggle 2004, 474–476.

⁸⁶ Именно таково название основываемой колонии в «Законах» (Saunders 1991).

триттиями и фратриями. Фратрия была составлена из тридцати родов, как месяц из дней, а род состоял из тридцати мужчин».

Понятно, что только в каких-нибудь совсем старых работах⁸⁷ можно встретить серьезное отношение к этой схеме. Перед нами — конструкция насквозь искусственная, к реальности не имеющая никакого отношения (из нее, в частности, вытекает, что каждый афинский гражданин входил в какой-нибудь род, как в Риме, а это не соответствует действительности⁸⁸). Конструкция, однако, вряд ли изобретена самим Стагиритом. Он, по всей видимости, почерпнул ее из «Аттиды», из афинской локальной историографической традиции. Главное же в том, что здесь мы как раз находим представление о численно фиксированном гражданском коллективе. Если перемножить все содержащиеся во фрагменте цифры, численность эта окажется равной 10800 человек, что в два с небольшим раза больше, чем в платоновской Магнесии.

Для Аристотеля, надо полагать, все подобные реалии отдавали уже глубокой архаикой и для современных ему олигархий представлялись неподходящими (по поводу численных выкладок Платона в «Законах» он откровенно иронизирует: Arist. Pol. II. 1265a10–18). В афинских олигархических режимах конца IV в. до н.э., создававшихся уже после написания Аристотелевых трудов, мы, повторим, не находим ни малейших следов идеи лимита, а только проведенную с предельной последовательностью идею ценза, делавшую эти режимы в чистом виде «властью состоятельных», как определена олигархия в «Политике». Тогдашние олигархи ведь и в целом действовали фактически по рецептам перипатетической школы. Фокион был близок к Ликею⁸⁹, а Деметрий Фалерский и вовсе являлся прямым выходцем из него, штудировал «Политику» и опирался на нее в своей практической деятельности⁹⁰.

Литература / References

- Badian, E. 1995: The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century BC. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 79–106.
- Boulton, A.O. 2021: *Democracy and Empire: The Athenian Invasion of Sicily, 415–413 BCE*. Lanham.
- Bourriot, F. 1976: *Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique*. Lille–Paris.
- Brock, R. 1989: Athenian Oligarchs: The Number Game. *Journal of Hellenic Studies* 109, 160–164.
- Brock, R., Hodkinson, S. 2000: Introduction: Alternatives to the Democratic Polis. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford–New York, 1–32.

⁸⁷ Таких, как Schjøtt 1906.

⁸⁸ Для понимания сущности афинского рода-γένος основополагающим остается фундаментальное исследование Bourriot 1976. В нем со всей возможной доказательностью продемонстрировано, что γένος не представлял собой интегрального элемента структуры социума.

⁸⁹ Lehmann 1997, 22–24.

⁹⁰ В частности, он учредил в Афинах институты (такие, как коллегии номофилов, гинекономов и др.), рекомендованные в «Политике» специально для олигархий (Simonton 2017, 90–91).

- Carawan, E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxford.
- Danzig, G. 2014: The Use and Abuse of Critias: Conflicting Portraits in Plato and Xenophon. *Classical Quarterly* 64/2, 507–524.
- Davies, J.K. 1971: *Athenian Propertied Families 600–300 B.C.* Oxford.
- Davies, J.K. 2004: The Concept of the 'Citizen'. In: S. Cataldi (ed.), *Poleis e politeiai: Esperienze politiche, tradizioni letterarie, progetti costituzionali*. Alessandria, 19–30.
- Day, J., Chambers, M. 1967: *Aristotle's History of Athenian Democracy*. Amsterdam.
- Diggle, J. (ed.) 2004: *Theophrastus: Characters*. Cambridge.
- Dovatur, A.I. 1965: *Politika i Politii Aristotelya [Aristotle's Politics and Polities]*. Moscow–Leningrad.
- Доватур, А.И. *Политика и Политии Аристотеля*. М. – Л.
- Duke, G. 2020: *Aristotle and Law: The Politics of Nomos*. Cambridge.
- Finley, M.I. 1971: *The Ancestral Constitution*. Cambridge.
- Frank, J., Monoson, S.S. 2009: Lived Excellence in Aristotle's Constitution of Athens: Why the Encomium of Theramenes Matters. In: S. Salkever (ed.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Political Thought*. Cambridge, 243–270.
- Frolov, E.D. 2003: [Critias, Son of Callaischros, the Athenian, – a Sophist and Tyrant]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 67–89.
- Фролов, Э.Д. Критий, сын Каллесхра, афинянин, – софист и тиран. *ВДИ* 4, 67–89.
- Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin.
- Gehrke, H.-J. 1978: Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Werken des Demetrius von Phaleron. *Chiron* 8, 149–194.
- Giangiulio, M. 2018: Oligarchies of 'Fixed Number' or Citizen Bodies in the Making? In: A. Duploux, R.W. Brock (eds.), *Defining Citizenship in Archaic Greece*. Oxford, 275–294.
- Gomme, A.W. 1986: *The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C.* Westport.
- Gottesman, A. 2020: The Sôphrosynê of Critias: Aristocratic Ethics after the Thirty Tyrants. In: D.C. Wolfsdorf (ed.), *Early Greek Ethics*. Oxford, 243–261.
- Hahn, D.E. 2009: The Mixed Constitution in Greek Thought. In: R.K. Balot (ed.), *A Companion to Greek and Roman Political Thought*. Oxford, 178–198.
- Hansen, M.H. 1993: Aristotle's Alternative to the Sixfold Model of Constitutions. In: M. Piérart (éd.), *Aristote et Athènes. Actes de la table ronde de l'Université de Fribourg, 23–25 mai 1991*. Paris, 91–101.
- Hansen, M.H. 2004: Attika. In: M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 624–642.
- Hansen, M.H. 2010: The Concepts of *demos*, *ekklesia*, and *dikasterion* in Classical Athens. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 50, 499–536.
- Harding, P. 1977: Atthis and Politeia. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 26/2, 148–160.
- Harris, E.M. 2019: Rev.: Simonton M. Classical Greek Oligarchy: A Political History. *Journal of Hellenic Studies* 139, 256–257.
- Heftner, H. 2001: *Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v. Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen*. Frankfurt am Main.
- Hornblower, S. 2006: Pindar and Kingship Theory. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 151–163.
- Kennedy, G.A. 2003: Oratory. In: P.E. Easterling, B.M.W. Knox (eds.), *The Cambridge History of Classical Literature*. Vol. I. *Greek Literature*. Cambridge, 498–526.
- Krentz, P. 1982: *The Thirty at Athens*. Ithaca–London.
- Lehmann, G.A. 1995: Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v. Chr. In: W. Eder (Hrsg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Akten eines Symposiums 3. – 7. August 1992, Bellagio*. Stuttgart, 139–150.
- Lehmann, G.A. 1997: *Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v. Chr.* Opladen.
- Lintott, A. 2000: Aristotle and the Mixed Constitution. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 152–166.
- Loening, T.C. 1987: *The Reconciliation Agreement of 403/2 B.C. in Athens: Its Content and Application*. Stuttgart.
- Loraux, N. 1997: *La cité divisée: L'oubli dans la mémoire d'Athènes*. Paris.

- Marcaccini, C. 2013: Rivoluzione oligarchica o restaurazione della democrazia? I Cinquemilia, la πρόκρισις e la patrios politeia. *Klio* 95/2, 405–428.
- Marr, J.L., Rhodes, P.J. (eds.) 2015: *The 'Old Oligarch': The Constitution of the Athenians Attributed to Xenophon*. Oxford.
- Mitchell, L. 2006: Tyrannical Oligarchs at Athens. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 178–187.
- Montanari, F. 2022: *History of Ancient Greek Literature*. Vol. I. *The Archaic and Classical Ages*. Berlin–Boston.
- Müller, S. 2017: Demetrios von Phaleron *pompe* und Demochares' Kritik. In: H. Beck, B. Eckhardt, C. Michels, S. Richter (Hrsg.), *Von Magna Graecia nach Asia Minor: Festschrift für Linda-Marie Günther zum 65. Geburtstag*. Wiesbaden, 243–254.
- Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics*. Indianapolis–Cambridge.
- Osborne, R. 2003: Changing the Discourse. In: K.A. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and Its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 251–272.
- Ostwald, M. 2000: *Oligarchia: The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece*. Stuttgart.
- O'Sullivan, L. 2001: Philochorus, Pollux and the Nomophulakes of Demetrius of Phalerum. *Journal of Hellenic Studies* 121, 51–62.
- Piepenbrink, K. 2018: Demokratische Implikationen in der "Politik" des Aristoteles. In: I. Jordović, U. Walter (Hrsg.), *Feindbild und Vorbild: Die athenische Demokratie und ihre intellektuellen Gegner*. Berlin–Boston, 249–268.
- Poddighe, E. 2002: *Nel segno di Antipatro: L'eclissi della democrazia ateniese dal 323/2 al 319/8 a.C.* Roma.
- Poddighe, E. 2014: *Aristotele, Atene e le metamorfosi dell'idea democratica: Da Solone a Pericle (594–451 a.C.)*. Roma.
- Raaflaub, K.A., Ober, J., Wallace, R.W., Cartledge, P., Farrar, C. 2007: *Origins of Democracy in Ancient Greece*. Berkeley.
- Regan, R.J. (ed.) 2007: *Commentary on Aristotle's Politics*. Indianapolis–Cambridge.
- Rhodes, P.J. 1985: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford.
- Rhodes, P.J. 2000: Oligarchs in Athens. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 119–136.
- Robinson, E.W. 1997: *The First Democracies: Early Popular Government outside Athens*. Stuttgart.
- Roller, D.W. 1989: Who Murdered Ephialtes? *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 38/3, 257–266.
- Rubinstein, L. 2004: Ionia. In: M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 1053–1107.
- Rutter, N.K. 2000: Syracusan Democracy: 'Most Like the Athenian?'. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Oxford, 137–151.
- Saldutti, V. 2022: The Mixed Constitution of Demetrius Phalereus. *Klio* 104/1, 159–190.
- Saunders, T.J. 1991: Penal Law and Family Law in Plato's Magnesia. In: M. Gagarin (ed.), *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte (Pacific Grove, California, 24. –26. September 1990)*. Köln–Wien, 115–132.
- Scheibelreiter, P. 2013: *Atheniensium vetus exemplum: Zum Paradigma einer antiken Amnestie*. In: K. Harter-Uibopuu, F. Mitthof (Hrsg.), *Vergeben und Vergessen? Amnestie in der Antike*. Wien, 95–126.
- Schjött, P.O. 1906: *Studien zur alten Geschichte 2: Die athenische Aristokratie*. Christiania.
- Schmitz, W. 1995: Reiche und Gleiche: Timokratische Gliederung und demokratische Gleichheit der athenischen Bürger im 4. Jahrhundert v.Chr. In: W. Eder (Hrsg.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? Akten eines Symposiums 3. –7. August 1992, Bellagio*. Stuttgart, 573–597.
- Schütrumpf, E. 1994: Aristotle on Sparta. In: A. Powell, S. Hodkinson (eds.), *The Shadow of Sparta*. London–New York, 323–345.
- Shear, J.L. 2011: *Polis and Revolution: Responding to Oligarchy in Classical Athens*. Cambridge.
- Simonton, M. 2017: *Classical Greek Oligarchy: A Political History*. Princeton.

- Simpson, P.L.P. 2013: Aristotle. In: H. Beck (ed.), *A Companion to Ancient Greek Government*. Oxford, 105–118.
- Stockton, D. 1982: The Death of Ephialtes. *Classical Quarterly* 32/1, 227–228.
- Strauss, B.S. 1993: *Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War*. London.
- Surikov, I.E. 2018: *Antichnaya Gretsija: Politogenez, politicheskie i pravovye instituty (Opuscula selecta II)* [*Ancient Greece: State Formation, Political and Legal Institutions (Opuscula selecta II)*]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты (Opuscula selecta II)*. Москва.
- Surikov, I.E. 2021: [Towards the Chronology of the Life and Work of the Historian Hellanicus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 81/4, 837–862.
- Суриков, И.Е. К хронологии жизни и творчества историка Гелланика. *ВДИ* 81/4, 837–862.
- Surikov, I.E. 2022: [Athens in the Periods of Sedition and in the Periods of Stability: Some Comparative Observations]. In: F.A. Mikhailovsky (ed.), *Drevniy mir: istoriya i arkheologiya. Sbornik nauchnykh statey* [Ancient World: History and Archaeology. Collection of Scientific Articles]. Moscow, 218–228.
- Суриков, И.Е. Афины в периоды смут и в периоды стабильности: некоторые компаративные наблюдения. В сб.: Ф.А. Михайловский (ред.), *Древний мир: история и археология. Сборник научных статей*. М., 218–228.
- Taylor, M.C. 2002: Implicating the *demos*: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred. *Journal of Hellenic Studies* 122, 91–108.
- Ungern-Sternberg, J. von 2000: 'Die Revolution frißt ihre eignen Kinder': Kritias vs. Theramenes. In: L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (Hrsg.), *Große Prozesse im antiken Athen*. München, 144–156.
- Usher, S. 2007: Lysias and His Clients. In: E. Carawan (ed.), *Oxford Readings in the Attic Orators*. Oxford, 27–36.
- Wallace, R.W. 2013: Councils in Greek Oligarchies and Democracies. In: H. Beck (ed.), *A Companion to Ancient Greek Government*. Oxford, 191–204.
- Whitehead, D. 1993: 1–41, 42–69: A Tale of Two Politeiai. In: M. Piérart (éd.), *Aristote et Athènes. Actes de la table ronde de l'Université de Fribourg, 23–25 mai 1991*. Fribourg–Paris, 25–38.
- Williams, J. 1997: Ideology and the Constitution of Demetrius of Phalerum. In: C.D. Hamilton, P. Krentz (eds.), *Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in Honor of Donald Kagan*. Claremont, 327–346.
- Wolpert, A. 2006: The Violence of the Thirty Tyrants. In: S. Lewis (ed.), *Ancient Tyranny*. Edinburgh, 213–223.
- Wolpert, A. 2017: Thucydides on the Four Hundred and the Fall of Athens. In: R.K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster (eds.), *The Oxford Handbook of Thucydides*. Oxford, 179–191.
- Wolpert, A. 2019: Xenophon on the Violence of the Thirty. In: A. Kapellos (ed.), *Xenophon on Violence*. Berlin–Boston, 169–187.